

В исторической комиссии учебного отдела Общества по распространению технических знаний. (Москва)

На заседании 14 апреля состоялась оживленная беседа, посвященная сборнику «Вехи», в которой приняли участие С. П. Мельгунов, В. П. Потемкин, гр. П. М. Толстой, К. Н. Левин, А. А. Титов, В. И. Пичета, П. Г. Дауге, В. М. Турбин и др.

За исключением последнего, пытавшегося до некоторой степени оправдать авторов книги, собрание с единодушием резко высказалось против проводимых в ней тенденций и идей.

Заседание началось вступительным словом *С. П. Мельгунова*, который отметил огромную сенсацию, произведенную сборником.

Он стал теперь «настойной книгой в кавычках». Авторы его — не только отрицатели заслуг русской интеллигенции, но и ее «порицатели». Взгляды их недаром встретили сочувствие и «Голоса Москвы», ибо они действительно сказали то, что проповедует октябризм. Оратор не останавливается на частных, предоставляя это сделать другим, и заключает свою речь упреком, что участники сборника проявили духовный маразм. Вместо того чтобы поддержать русскую интеллигенцию в ее общественных стремлениях, они только осыпают ее упреками, хотя, быть может, и заслуженными. Однако появление сборника имеет и хорошую сторону — он заставит многих призадуматься и даст толчок для самокритики.

По мнению *В. П. Потемкина*, обнаружение сборника есть «невероятная дерзость, есть игра в руку врагов».

Они судят интеллигенцию, но не дают точного определения этому понятию.

Кто судимая ими интеллигенция? Кто дал им право осуждать ее? Пусть те обвинения, которые они так щедро сыпят на голову интеллигенции, падут на их собственные головы.

От сборника отдает «нестерпимым зловонием реакции». Главный недостаток — это нерешительность авторов. Они не сказали всего того, что хотели, — убоялись. Стоят на реакционно-романтической точке зрения, но хотят это скрыть. Все у них не оригинально, все заимствовано, все не доказано.

Напрасно они обвиняют интеллигенцию, которая еще не сказала своего последнего слова. Своим сборником они вынесли приговор не ей, а самим себе.

В своей речи *гр. П. М. Толстой* вскрыл некоторые частичные промахи в сборнике, особенно подробно останавливаясь на изложении Кистяковского.

Выдернув отдельную фразу, Кистяковский доказывал, что Михайловский отрицательно относился к правовому строю и вообще к государственному, хотя весь смысл статьи и ее заключительные строки свидетельствовали как раз об обратном.

Последующие ораторы с возмущением говорили о клевете на молодежь, рассыпанной в разных статьях сборника. Особенное осуждение в этом отношении вызвали статьи гг. Струве, Изгоева и Гершензона.

Было отмечено их пристрастное отношение к интеллигенции, их стремление выставить в ней одни отрицательные качества; указывали на то, что и отрицательные стороны в жизни и деятельности интеллигенции подмечены во многом неверно либо сильно преувеличены.

Один из говоривших на основании собственных пятилетних наблюдений над немецким студенчеством уверял, что оно ведет себя более распущенно, чем русская молодежь, и в гораздо меньшей степени воодушевлено идеальными стремлениями.

Другие указывали на то, что в критике интеллигенции совершенно нет исторической перспективы, что авторы совсем не считались с теми неблагоприятными условиями, в которых приходится жить русской интеллигенции, и в частности учащейся молодежи, почему параллель с заграничной молодежью, живущей в нормальных политических условиях, совсем неубедительна. Проводимые в «Вехах» новые идеалы и задачи для русского общества — стремление к национализму, личному самоусовершенствованию, религиозным началам — не новы, их можно найти в старом славянофильстве, а то и на столбцах «Нового времени», «Русского знамени» и т. п. органов, которые, кстати, к проповеди «Вех» отнеслись очень сочувственно.

Третьи указали на глубокие противоречия в понимании ближайших задач, в оценке интеллигенции, даже в самом понятии интеллигенции как между разными статьями сборника,

так и зачастую в пределах одной и той же статьи. Под интеллигенцией понимается то все образованное общество, то учащаяся молодежь, то разночинцы и т.д.; одни упрекают интеллигенцию в безверии, другие говорят, что даже и в своем атеизме она религиозна; одни приписывают ей нравственную распущенность, другие ставят ее образцом нравственной чистоты и т. д.

Общее убеждение склонилось к тому, что русской интеллигенции не нужно менять своих исконных идеалов и отступать от своих требований, — положение, на котором сошлись представители из разных лагерей.

По окончании беседы собрание вынесло следующую резолюцию: «Признавая сборник «Вехи» продуктом романтически-реакционного настроения известной части русской интеллигенции, вызванного временным упадком общественных интересов, *историческая комиссия констатирует наличие в упомянутой книге грубых внутренних противоречий, шаткость основных точек зрения авторов и крайне несправедливое отношение к прошлым и настоящим заслугам лучших элементов русской общественности, самоотверженно и неустанно стремящихся к высоким социально-политическим идеалам*».

Несмотря на то что авторам «Вех» было послано специальное приглашение, никто из них на собеседование не явился.

(В защиту интеллигенции. Сб. статей.
М., 1909. С. 157—160)¹

